

ДОКУМЕНТАЛЬНЫЙ ОЧЕРК

С. АНДРЕЕВ.

СЛОМАННЫЕ СУДЬБЫ

Я долго пытался разузнать судьбы всех восьми пострадавших от сталинских репрессий парней. Знаю твердо, что в 1944 году в одном из магаданских лагерей умер Александр Попов. Известно, что Иннокентий Костарев погиб в одиночке.

Что касается Арсения Нестерова, Василия Разгикина, Араина Амбарцумяна и Александра Майхаржака, следы их затерялись. Правда, некоторые парабельцы гово-

рят, что кто-то из них якобы приезжал в свое время в село. Но все это из области предположений. Нам же нужны точные, правдивые сведения.

И, конечно же, если они появятся, мы не замедлим сообщить читателям.

А потому вернемся пока к тем, что нам хорошо известны...

4. АБУМУСЛИМ ФАТКУЛИН

А. Фаткулин. Фото 1941 года.

ДА ПРОСТИТ меня Фаткулин, да простят меня теперешние жители Парабелы, знающие его: буду называть Абумослима тем именем, которым звали мы его в школе — Абу. В этом имени содержится не только детская страсть к сокращению имен или к кличкам. В нем мы видели и то, что тайно скрывалось в душе нашего товарища. «Хоть Абу, а говорит не наобум», — иногда проносили мы, борясь с трудом проникая в вытесненную фразу его природного юмора, скрытого так далеко, что не враз, а то и вовсе не догадываясь: шутит Абу или всерьез...

Появилась сладость — тут же разледил ее, постаравшись оставить себе самую маленькую дольку. Знания, казалось, застряли в нем навечно. Он и отбыв тяжелейшую колымскую каторгу, помогая дочерям готовить уроки, открывал перед ними такие пласты знаний...

И всем нам давал уроки дружественства. Девушка в его понятии — да и в нашем — стала потом существом неприкосновенным и слабое, ежeminутно требующее нашей защиты. Недожинную силу свою никогда без нужды не проявлял.

— Откуда это было у многих из нас? — пытался мы, сравнивая нашу и теперешнюю юность, разобравшись во время такой мимолетной недавней встречи. — Учителя, слушай, были у нас замечательные. От них Поминих?

Я, конечно, помнил. Конечно же, и от них. Но ведь не все же такие были, как Абу. Нет, главное у него было от родителей. Я внимательно вглядывался в морщинистое лицо 83-летнего Хадаяна Иоратимовича, его матери — веничковой труженицы, в то, как любовно-преданно она смотрит на сына, прошедшего огонь, воду и медные трубы и вышедшего оттуда еще нище, еще человечнее, чем был. И оба они, сын и мать, сливались в эти минуты передо мной во что-то единое, цельное, человеческое, исконно крестьянское. Ибо и он смотрел на нее также любовно-преданно. На женщину, породившую

его на свет, радовавшуюся его первым шагам, и шепчущую и добрым словом приучившую его к нехитрому крестьянскому труду, к обязательному выполнению учебного и трудового урока, к щедрости души, помощи товарищу, верности дружбе, плакующую вместе с ним над занозой, а потом и о нем, ушедшем на десять с лишним лет не по своей воле.

УХОДИМ в комнату для продолжения беседы, и она спешит за нами: и ей хочется пожить нашей жизнью, поспереживать, а то и плечо свое немощное подставить. Матери, они такие, детям верны и на смертном одре. Особенно, если это матери Абумов Фаткулинных.

— Слушай, а может, не надо об этом писать? Когда это было... — Надо, Абу, надо.

И он уходит мыслями в 1942-й. И здесь снова мне надо разгадывать «говорящего не наобум». — Я, конечно, сначала поупирался. А потом и спорить перестал. Вижу, все признается. А я чем хуже? Мыслишка такая была: Мыслишка такая была: пусть себе позабываются шпурой в смичков. Все равно дальше фронта не пошлют.

На фронт, однако, не послали. Здесь пахло другим. Но и в тюрьме, и на допросах Абу оставался верен себе: — Вот задай следователь вопрос. Отвечая на него двумя-тремя фразами. Он замолкает и начинает писать. Часа полтора, а то и два. Потом читает.

— Согласен? — С чем? — С тем, как я изложил твои мысли? — А разве это мои мысли? Ух, как вы глубоко заглянули, гражданин следователь. Признать, так далеко я не заглядывал. Но написано складно. — Значит, подпишешь? — Так мысли-то общие, обоим надо подписывать. А потом и отвечать вместе. — Ну, ты это брось. Давай подписывай. Подписывать приходилось не только потому, что и остальные подписывали... А на одном из допросов он вывел из себя сразу нескольких следователей. Дело было так. Радио передало тяжелую сводку с фронта. Все было подавлено. — А! — со злом стукнул Абу по столу кулаком. — Чем дольше у вас находись, тем больше убеждаюсь, что хорошее вы здесь себе убежище от фронта наши. И вам, и нам тоже на западе надо быть! А вы тут спектакль о контрреволюционерах солильных разыгрываете. Пригrelись, защитнички советской власти, неведомо от чего. — Так и врезал? — Точно. Они рты пораскрыли. Ни слова не ответили, никто даже не замаяхнулся. Отправили в камеру. И долго потом не вызывали... Ну, приговор ты знаешь. Семь лет и три года поражения в правах. До сих пор не пойму, за что.

или поправлялся в изолятор. Там для виду дым, а холодина, что на улице. А ты в одних брюках, рубашонке. Не чаял, как вытерпел. Потом все-таки выяснили, что неумышленная травма получилась. Направили в инвалидный лагерь. На кухню дрова таскал. Нет, не охотками. Его, дерево с телеграфный столб, сначала срубить надо, версты три переть на себе. А на месте угу разделявать.

Потом и это кончилось. ЛЮДИ? Самые разные были люди. И уголовники. Политические — в основном выдержанные, справедливые... Поиравился староста зоны, некто Нуисков. Человек очень порядочный, рослый. Работал не то председателем Саратовского облисполкома, не то секретарем Саратовского обкома партии. Независимый человек. Начальство его уважало. Почему-то проявлял внимание к судьбе Абу. Устроил его после инвалидного лагеря бригадиром.

Много профессуры было. Стариками они Абуму казались. Очень интересные люди, с интересным взглядом. И уж не гадал Фаткулин, что «живьем» увидит и услышит кумира эстрады тех времен Владимира Козина. Не совсем ту песню исполнил как-то певец, потому и оказался на Колыме. «Худоцавай, рыжачник, с залысинами, он здорово пел тыганыские романсы», — вспоминает Абу.

Когда в Находку, на материк приехал, полечте стало. Тем более, что в музыкантскую команду вошел. Играл на баритоне, благо, левой рукой не надо клавиши нажимать. Левая лишь поддерживала инструмент.

Маленькая деталь. Неподдалу от русского лагеря находился лагерь японских военнопленных. И там тоже был духовой оркестр. Как-то японский капельмейстер пришел к русским музыкантам и попросил переписать партитуры нескольких песен и маршей.

— И через некоторое время, — узнаывает Абу, — мы набодали такую картину. В соприрожденный оркестр стрел идет группа военнопленных японцев. И оркестр играет, а стрел дружно поет: «По долганам и по вторым шла дивизия вперед...»

Провиadem, что ли, был Высоцкий, когда писал и пел в «Баньке по-белому». Вспоминаю, как утреком раненько брату крикнуть успел. — Пособни! И меня два красивых охранника. Поездили из Сибири в... Сибирь.

ТАК ВЕДЬ, собственно, и получилось, когда после отбытия основного наказания на Дальнем Востоке Фаткулина в 1949 году отправили на вечное поселение в... Венгеровский район Новосибирской области. Все же северная Сибирь, хотя и почти на одной параллели с Парабельским районом.

— Везли, — вспоминает Абу, — в сталинском вагоне. Строго по старым «станкам»: Находка — Владивосток — Хабаровск — Чита — Иркутск... Именно на этих станциях до революции останавливались каторжане, сосланные.

Помнит Фаткулин капитана-бурята, спротившего: «Какую статью на себя намотал?» Услышав ответ: «58-ю», поцокал языком и в знак уважения преподнес огромную связку байкальского омуля.

Наверняка немногие знают, как выглядела тогда новосибирская тюрьма. Капитальное здание, Мраморный фасад. Резные стеклянные двери. И масса окошек в вестибюле. Но это не театральные кассы. Это окошки свиданий. Абума провели мимо них. И поместили в одну из сотен узких камер без окон.

Тут произошла интересная встреча. — Как фамилия, заключенный? — Спросил дежурный. — Фаткулин.

— А я Гизатуллин. Почему в одиночку попал, срок верды отбыл...

— Да я не дал себя остричь во Владивостоке, вот и наказали.

— Ладно, выходи. Уведите его в общую камеру. ТАК «ОТБЫЛ» предпоследний «сроки» Абу. Последний срок был уже легче, хотя ведь тоже надо было ходить отменяться в комендатуре. Но все же отнесенная свобода в приютом сибирском селе Туруновке, что на реке Тарнас.

И тут не обошлось, без неожиданностей. В Туруновку на поселение в 1956 году привезли двоих. Председатель колхоза сказал: «Идите по домам, кто вас примет, там и останетесь». Напарника готовы были приютить, в каждой избе, а Абума — нет. Так он и пришел в контору, поштути: «По социальному положению не подошел». Находящийся в конторе член правления скажались: «Ладно, у нас будущее жить».

Здесь Абу открытвенно: «Я их понимал — какой толк от однорукого помощника?»

Как-то случилось, что хозяйка квартиры, где жил Фаткулин, заболела. — Давай, Наталья, я тебя подменю.

И подменил. Показал себя в физически крепким мужиком, и умелым организатором. Когда покабашили, женщина сказала Фаткулину: «Пусть Наталья не спешит выходить на работу». А через некоторое время, когда Абу уже был обездничком, обратилась к самой Наталье: «Ты бы отказала постояльцу в квартире. Есть же у тебя мужик. А он другим бы помог».

Для такой просьбы были полные основания: Фаткулин в короткий срок показал себя добрым, трудолюбивым, отзывчивым человеком. И очень скромным. Что же касалось труда, то вскоре, получив на откорм паре бычков, добился самого высокого по то время привеса в Западной Сибири — по 1100 граммов в сутки...

ЗДЕСЬ ЖЕ судьба свела его с Людмилой Ильиной. Рассказывают: до чего же нежны и внимательны были супруги друг к другу! Оба стальные, крепкие, улыбающиеся. В Парабелу приехали с дочкой Галиной. А потом пошли они одна за другой — Роза, Марина, Людмила, Нина, Евгения.

— Все папаша хотел, — улыбается Абу.

Бригадир, управляющий Костаревским отделением совхоза «Путь Ленина», депутат сельского Совета.

Не обошлось, конечно, и в первые дни после возвращения без подозрительности: мало ли что!

Но ведь человек-то в труде проявляет! Фаткулин проявился. И как!

НАВЕРНОЕ, это единственный, уникальный по своему случаю: до гражданской реабилитации оставалось еще 28 лет, а первый секретарь Парабельского райкома партии Владимир Федорович Пулов в 1961 году вручил ему партийный билет. А через 17 лет, в 1974-м этот билет заменил ему на новый другой секретарь Парабельского райкома КПСС Александр Григорьевич Конох.

— Как же вы, Александр Григорьевич, осмелились заменить партийный документ нерабильнопроверенным «контрреволюционером»? — задал я на дикх вопрос А. Г. Коноху. — Это ведь могло вам аукнуться...

— А я видел перед собой не «врага народа», — сказал А. Г. Конох, — а самого лучшего мужика-крестьянина в Парабельском районе. Куца ребятишек, работоспособный. А какая ответственность! Дом рядом с фермой, где он был бригадиром. На ферме дивал и ночевал. Жена — доярка.

(Окончание на 4-ой стр.)

СЛОМАННЫЕ СУДЬБЫ

(Окончание.)

Начало на 3-ей стр.)

Сам преданный делу крестьянин, такими же воспитывал и девочек. Очень порядочный человек, грамотный, читающий, думающий. Нет, если бы кто и спросил, я бы сумел доказать правоту решения райкома. Достаточно, наверное, того, что в 1942 году и райком партии, и райком комсомола остались безучастными к тому, как облеченные доверием самодуры пытаются погубить лучшую часть молодежи. По сути дела тогдашние следовате-

ли и обвинители сами превратились во врагов Советской власти, лишая ее поддержки такой активной и убежденной молодежи. Вот мы и исправили ошибку 1942 года.

...Два года назад умерла жена, памятью о которой остались шестеро дочерей, живущих самостоятельными семьями, и масса грамот, дипломов, знаков победителя соревнования, благодарностей животноводу I класса Людмиле Лаврентьевне Фаткулиной.

Живут сейчас вдвоем с матерью. Хотя, конечно, девочки не забывают. На пен-

сии Абум, а дома не сидится. Ферма-то рядом, магнитом тянет...

Прощаясь, задал вопрос «на засыпку»:

— Сейчас вот модно стало «выходить» из партии. Мол, такая она и сякая, не устраивает, не туда вела... У тебя не появлялись подобные мысли?

— Да ты что, Сергей, — Абум даже возмутился. — Ведь в том, что я сидел, не партия виновата. Виноваты дельцы от партии, сталинские выкорыши, гонявшиеся за очередным орденом, нечистоплотные люди. И мерить по ним всю

партию? Нет, в партию я вступил по убеждению. И никто меня не переубедит в обратном. А «выходят» хлюпикой, испугавшись, что на партию сейчас обрушится такая критика; люди, которых в погоне за цифрой высокого охвата рабочих «затянули» в КПСС. Да еще те, кто рассчитывал на карьеру. Сейчас некоторые, конечно, оправдывают этот шаг сменой убеждений. Да что это за убеждения, если их можно отринуть и выбросить как износившуюся рубашку? Я ленинизму останусь верен до конца жизни. Тем более, что партия поверила этой моей верности за 28 лет до гражданской реабилитации.

28 лет до гражданской реабилитации.